

Скачки — 6 / повесть

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 22 января, 2025

Скачки — 6 / повесть

Тут Мухаммед совсем голову потерял. Еле живой Мурад остался. Стали судиться. Мухаммед-серке в тюрьме недолго сидел, месяца два, откупился. Чего это ему стоило, только кази знает — по миру Мухаммеда пустил! Соседа Мухаммед простил, а судью никак простить не может. Всякий раз сетует, мол, из-за недомерка, которому нос зажми — душа вон, нищим стал. Недомерок! Разве в этом дело. Отец Мухаммеда тоже великаном не был, а жил богаче самого бая. Пройдоха был, своего нигде не упустит! Много ли толку, что Мухаммед силен, как бык. Надо уметь жить! А он?.. Справил той и снова залез в долги. Что имел — все людям роздал. Ради внука! Теперь опять пойдет к чужому порогу батрачить. А коней держит... Нет, не Мурад-кривляка, не кази — сам во всем виноват!

Лошадь еле переставляла ноги, то и дело мотала мордой, отгоняя мух. За повозкой даже пыль не поднималась. Возле каждого дерева, что росло у дороги, Серая норовила остановиться, чтобы отдохнуть в тени. Недовольно фыркала, когда Мульки ее подгонял.

Дорога тянулась через все село. Наконец показалась мельница. Она стояла справа от дороги, пылила, стучала весело. Сары-ага благословил ее: «Пусть не знают устали жернова!». Пока они в работе — лишений не будет, стоит им остановиться — начинай счет поминкам! Ветерок доносил памятный с детства запах муки, запах достатка...

Пока добрались до Черкеза-волопаса, солнце все тени съело. В такой час Грамотей обычно дремал под своей арбой, но сейчас его там не было. Он спрятался в куцей тени тутовника, что рос в глубине двора, и чистил курицу — уже наполовину содрал с нее шкуру. Услышав стук колес, обернулся, долго вглядывался, щурясь от света. Когда узнал Сары-сейиса, легко поднялся и, размахивая руками, чуть ли не бегом кинулся навстречу.

— Добро пожаловать! — поклонился он. — Поглядите, кто приехал. Уж не приснилось ли?

— Вовремя, Грамотей, быка свежуешь! — отозвался в ответ Сары-ага. — Не зря значит приехали...

Черкез-волопас махнул рукой, затараторил:

— Держу тут десяток кур для забавы, а петух не мощней меня оказался. Вчера смотрю, — он поднял тушку над головой, — эта проклятая его по двору гоняет. Сбесилась, видно. Вместо того, чтоб кудахтать, как на роду написано, петухом горланить стала. Падишах мой со страху ко мне в каморку забился, понял, что кроме как у меня, искать ему защиты не у кого. Я курицу гоню, а она на меня кидается. Пришлось соседских ребятишек кликнуть! — Руки Черкеза-волопаса были по локоть измазаны кровью, он смеялся, щерясь беззубым ртом.

— Не знать твоей голове других печалей! — пожелал Сары-ага.

— Надо было и петуха под нож, — поддакнул Мульки. — Слава Аллаху, куры и без него нестись будут.

— А это кто такой? — спросил Черкез-ага, подходя к Еламану.

— Что за богатырь с дедушкой приехал? Ну-ка, иди ко мне, иди... — Он протянул руку, чтобы погладить мальчика, но Еламан испуганно закричал, отпрянул, прижался к деду. Смущенный Черкез-ага отступил в сторону.

— Чего орешь?! — крикнул Мульки.

Еламан трясся от страха. Старик с окровавленными руками, с черной растрепанной бородой, в рваном халате был похож на ужасного дэва. «Его привезли сюда, чтобы оставить!..» —

Еламан с мольбой посмотрел на деда.

— Неловко получилось! — пробормотал Черкез-ага. То, что ребенок его испугался, показалось ему дурной приметой.

— Не серчай на него, Грамотей! — Сары-ага вытер внуку слезы. — Увидел бы себя — сам бы испугался! А ты, глупый, зачем плачешь? Дедушка хороший! Поздоровайся с ним, Еламан-джан. Слазь-ка с повозки!

— Не пойду!... Не пойду!... — захныкал Еламан.

— Ну, что с тобой делать? — огорчился Сары-ага. Он передвинулся к краю, свесил ноги. Посидел так, потом, опираясь

на посох, медленно сполз вниз, на землю. — Езжай с отцом!

Еламан вцепился в рукав его халата.

— И ты езжай, дедушка! С нами езжай!

Мулькаман схватил сына за ухо, оторвал от деда, толкнул в сено:

— Еще пикнешь — убью! — Но тотчас на лице у него снова появилась улыбка. — Когда за вами заехать, отец? —

Мулькаман был нарочито вежлив.

— К вечеру, — чуть слышно отозвался Сары-ага.

— Ладно. — Мульки хлестнул вожжами клячу, та нехотя побрела прочь.

Старики долго смотрели вслед удалявшейся арбе. Еламан все плакал. Сары-сейису казалось, что его сердце сейчас разорвется: «Куда зовешь ты меня, мальчик? Рад бы с тобой вернуться, да не в моих это силах. Прошли те времена, когда мог делать то, что хочется. Столько лет себя обуздывал, что теперь и не могу иначе, привык. Дай бог тебе подольше не знать этого!...» Он жалел, что поддался минутной слабости, взял внука с собой. Арба уже скрылась за бугром, а ему все слышался плач внука.

— Стареешь, сейис!

Сары-сейис вытер кулаком слезящийся глаз, горько улыбнулся:

— Нашел чему удивляться!

Черкез пожал плечами:

— Плохо, что болеешь. Я каждый день о тебе спрашивал.

— Лучше б зашел, — сказал Сары-ага, стирая со лба пот.

— Скотину не бросишь. Была бы своя — ладно, так ведь общая... Мало, что этим соплякам в голову взбредет!..

Все село почитало их ровесниками. Сам же Сары-ага хорошо помнил, что он несколькими месяцами старше. И потому, как ведется у мусульман, стал первым расспрашивать о жите-бытье. О скотине спросил, о родственниках, о детях, о внуках. «Слава Аллаху» — всякий раз отвечал Черкез-ага. Потом настала его очередь. И лишь когда с этой церемонией было покончено, спросил:

— Где сядем? Может пойдешь в дом?..

— Здесь постели, рядом с очагом. Помочь тебе? — предложил

Сары-ага.

Черкез-ага взял с арбы старую кошму. Они отнесли ее поближе к мазанке. Возле очага в редкой траве были разбросаны деревянные плоски, валялись закопченная тунче, серп с расколотой рукоятью. Черкез-ага ногой сгреб этот нехитрый скарб, расстелил кошму.

— Посиди немного, отдышись. Я все сам приготавливаю.

— Ты и в самом деле, как молодой. Ничего с тобой годы сделать не могут. — Сары-ага опустил на кошму, отложил в сторону свой посох. Волопас сходил в дом, вынес две замусоленные подушки, бросил их рядом с сейсом.

— Уж не попрощаться ли ты со мной приехал? — спросил он как в шутку.

— Куда спешить, Грамотей! Только дожили до новых времен, покряхтим еще немного. Распробуем новый хлеб, узнаем, чем он слаще прежнего. — Сары-ага достал из-за пазухи сверток, протянул его приятелю.

Черкез-ага развернул тряпицу.

— А это еще зачем? — удивился он. — Что у меня, муки дома не найдется?

— Унаш сварим, — сказал Сары-ага. — Зачем нам с тестом возиться? — И добавил: — Поговорить хочется.

— Сейчас дров принесу. — Черкез-ага побежал в глубь двора, вскоре вернулся, неся охапку хвороста. — Слава Аллаху, теперь хоть с дровами хлопот нет. Как заросли раскорчевывать стали, у всех хворост есть. Мне уже два раза привозили.

— Как ты живешь один?! — удивился Сары-ага.

— А вот так и живу. Скажу тебе, сейис, человек всегда найдет, с кем ему поговорить. Я и с собакой разговариваю, и с коровами, могу с домом поговорить или с деревом. Поначалу думал, что с ума схожу... Нет, одиночество меня не тяготит. Человек, скажу тебе, с рождения одинок. Друзья, родичи, соседи — это чтоб тоску свою скрыть... А когда трудно, все равно ты один, никто не поможет.

— Обида в тебе говорит.

— Если обижаюсь на что, так только на старость. Против нее молитв нет. Знаешь, один человек мне жаловался, что он с

детства за себя постоять не мог. Другие мальчишки сломают себе ветку, скачут, точно конь под ними, а он — нет, чтоб со всеми играть, — плачет. От зависти плачет... — Черкез-ага посмотрел на друга, словно хотел убедиться, что тот его понимает. — Я не завидовал, нет. Только тоже, все готового ждал. Смеялся, глядя, как другие суетятся. Думал, раз меня Аллах здоровьем не обидел, то и остального не пожалеет. Прежде так и было, а теперь... Таким, как я, падать тяжело...

— Зря ты об этом говоришь, Черкез. Грустно все это. Я к тебе приехал доброе вспомнить.

— А что нам вспоминать? Как ослов воровали?... Джигитами хотели быть.

— Не скажи... Раньше жизнь веселей была. Не так ли?... Бывало, весь день в поле, а вечером все равно у Беркели соберемся, песни поем. Неужели все забыл?... Теперь люди встретятся, так все о делах говорят, а так сидят по своим кибиткам. Какие прежде тои устраивали! По пять-шесть дней пировали. Было где поесть досыта. А какие скачки!... Помнишь, как в Дашгуи ходили? Бай запретил, а мы все равно пошли!

— Эх, сейис, ничего я не забыл! — вздохнул Черкез-ага. — Хочу забыть, да не получается. Только все эти разговоры, как травка, которой ягненка подманивают. Травка близка, идет он, радуется, а мясник уже нож точит.

— Это ты верно говоришь, — согласился Сары-ага. — Травки нам уже не ухватить! — Сары-ага смотрел, как Грамотей разжигает очаг. Хворост был сырым — не пламя, а только густой белый дым лизал днище казана. — Все мечтал, чтоб мои дети каждый день горячее ели. Жизнь прошла, а, как пятница, старуха все жалуется, что мяса нет. И не накопил ничего!... Сыновьям в глаза смотреть стыдно. Все Шункар сожрал! Думаешь, я этого не понимаю? Без коня не могу, убей меня — не могу. Совестно, да только это сильнее меня! Как Дурды-бай на такое решился?... Лучших коней, самых красивых скакунов продал перекупщикам!... Все ему простить готов, только не это. Думаешь иранцы коней тогда купили? Нет, они нашу гордость купили! А каких коней в Дашгуи продали?! Смотрел я и плакал... Скоро хорошего ахалтекинца во сне только и увидишь!

— Да, кони были как сказка: шеи — два аршина! — вздохнул Черкез ага. — Зря ты себя винишь, сейис. Все баи, на них этот грех. Разве у бедняков хорошие кони были?.. Сколько их под Геок-Тепе¹ потеряли? А продали сколько?... Иранцам, англичанам!.. Святого для них нет! Они бы и Бырака² на золото променяли! — Черкез-ага разволновался, глаза его сверкали.

— Разве с нашими ахалтекинцами другие кони сравнятся могут?! Всяких я повидал, а лучше их нет: легконогие, тонковехие, с журавлиными шеями! Горстью ячменя насытятся!..

— Кому это ты рассказываешь, Грамотей! Я так думаю, что Бырак тоже из наших был. Всякий падишах мечтал ахалтекинца иметь, пока не завладеет — не мог славой насытиться. Зулькернай³ полмира прошел, чтобы ахалтекинца добыть! Вся наша слава в этих конях была!

Черкез-ага, который дочистил наконец курицу, бросил ее в казан и сел рядом с Сары-сейисом. Он разлил чай, взял свою пиалу в руку и долго смотрел на нее, словно хотел увидеть свой вчерашний день в бледно-зеленом зеркальце чая.

— Знаешь, сейис, — сказал он наконец, — когда я был там, в России, однажды к нам большой начальник приехал. Построили нас. Смотрю, под ним ахалтекинец, красавец-конь! Обрадовался я, словно родного брата встретил. В строю без разговоров стоять положено, а я обо всем забыл. «Это наш конь, туркменский!» — одному говорю, другому, чтоб все знали. Тот увидел, нахмурился, усищи свои подкрутил, подзывает меня к себе. Подбежал: вот я — Черкез Агейли-оглы!.. Конь рядом — на щеке его дыхание чувствую. Он меня тоже за своего признал! Заржал радостно и на дыбы! Главный осадил его, успокоил, потом спрашивает меня: «Туркмен?» — «Туркмен!» — «Ступай в строй!.. Лучше всех ваши кони!» Я чуть не заплакал тогда...

— Откуда у него туркменский конь? — спросил Сары-сейис. Черкез-ага выплеснул на землю чай, отставил пиалу.

— Я об этом тоже подумал... Только позже. Сначала, как

ахалтекинца увидел, обо всем забыл. Вот как обрадовался!.. Твой Шункар – замечательный конь! – добавил он торопливо.

– И Мульки... – Черкез-ага не договорил, искоса посмотрел на сейиса. – Он – хороший наездник, когда вижу его, душа радуется, но ... Вот помню, ты... Ты в седле свободно сидел, легко, словно кроме тебя и лошади вокруг никого. А Мульки смущается что ли?.. Все вертится, по сторонам смотрит.

Сары-ага, соглашаясь, покачал головой:

– Молод еще.

– Нет красавицы без изъяна! – поспешил успокоить друга Черкез-ага. – Ты бы учил его, сейис.

– Я же сказал, молод, – твердо повторил Сары-ага. – Сначала надо хорошим наездником стать.

– Брось, брось, сейис... Мульки уже за тридцать. Ты был не старше, когда чужой человек доверил тебе своих коней. А ведь Дурды-бай дорожил ими, как своей жизнью!

Черный кобель, услыша свою кличку, выронил из пасти куриную голову, посмотрел на хозяина и негромко зарычал.

– Видишь, откликается!.. – Черкез-ага оглушительно расхохотался.

Сары-сейис тоже улыбнулся:

– Зря ты так собаку кличешь!.. Сыновьям Дурды-бая такое не понравится.

– Мне уже поздно жить так, чтобы кому-то это нравилось!... А сына учи, пока у него желание не пропало.

Сары-ага нахмурился:

– Учю. Только не знаю, что из этого получится. Боюсь, в нашем роду не будет больше сейисов.

– Мульки – парень неплохой, – сказал Черкез-ага. – Озорват, правда, задирист... – Помолчав, добавил: – Говорят, тех, кто на ишаках ездит, за людей не считает. Может, болтают...

– Не велик грех – озорство, – вступился Сары-ага за сына.

– Мы тоже тихонями не были. Образумится с годами. Если не Аллах, так жизнь уму разуму научит. Уж если Сейит муллой слывет!.. Недавно встретил меня, о Пророке рассказывать стал. Скажи кому-нибудь, что вором был, теперь и не поверят!..

Праведник! Кто мог подумать?.. А кто трудился всю жизнь – нищий, хуже всех живет, вот как получается! – Сары-ага наполнил свою пиалу. – Такого богатства, как у Сейита Кары нам не надо. Об одном Аллаха прошу: чтобы уберег сыновей от воровства и предательства. Другие грехи люди простят. –

Старик помолчал. – Мне бы еще хоть десять лет пожить! Всю жизнь коням отдал, пора теперь о детях позаботиться...

– А я и не видел, когда дети выросли... – сказал Черкез-ага.

– Ничего, не хуже других. Заботятся, заходят о здоровье справиться, что бы ни приготовили – приносят. Как за ребенком, за мной смотрят... Это мне и не нравится! Только и слышишь, как тебя жить учат. К себе зовут, мол, что ты здесь потерял!.. И Ильмурад такой же. Люди его выдвинули, над собой поставили, а он не понимает, что нельзя мне теперь этот загон оставить. Ему же пенять станут, что родством больше общего дела дорожит! Ничего им не докажешь – себя умней всех считают. Я друзей лучших потерял, они себя не жалели, чтобы люди по-новому жили. А я буду выроdkов Дурды-бая бояться?! Как на роду написано, так тому и быть. Пусть они меня боятся. Убьют Черкеза Агейли-оглы – род мой не прекратится. Тринадцать побегов в нем! – Черкез-ага погрозил кому-то кулаком, помолчал, потом прибавил: – Хорошо еще, внуки пока не учат. Вот она старость! Сказано ведь: «Верблюд состарится за верблюжонком плестись будет!» Я, если честно говорить, всю жизнь чужими советами жил. С женой советовался...

Зарычал Дурды-бай. Старики разом оглянулись.

Мальчик лет тринадцати стоял чуть поодаль, прижимая к груди узелок.

– Соседский, – шепнул Черкез-ага приятелю. – Что тебе, сынок?.. Не бойся, пес тебя не тронет.

Мальчик подошел, поздоровался со старшими за руку, протянул свой узелок Черкезу-волопасу.

– Отец угощение вам передал. Тут мясо, хлеб... Велел передать вам, если чего надо – прикажите...

– Как вы узнали, что у меня гость?.. – обрадовался Черкез-ага. – Вот так скажи отцу: «Черкез-волопас желает долгих лет жизни». Да отблагодарит тебя Создатель, сынок!..

Мальчик поклонился, убежал, сверкая пятками.

Черкез-волопас развязал платок. На горячей, только что из тамдыра лепешке лежало несколько кусков вареного мяса.

— Пошли им Аллах благополучия! — Черкез-ага пододвинул к Сары-сейису угощение, сам уселся поудобней. Он приободорился, казалось, помолодел прямо на глазах. — Славные люди, сейис. Недавно захворал — как родные дети за мной ухаживали, ни на шаг не отходили. То еды принесут, то чай заварят, за скотиной присматривали. Знахарку Нартач из Дашгуи привезли... Как вспомню об этом — плакать хочется. Ничего для меня не жалеют. Когда такие соседи, как жизни не радоваться! Угощайся, сейис!

Сары-ага отломил кусочек лепешки:

— Спаси их Аллах! Не дали умереть с голоду. — Он усмехнулся, головой указал на очаг. Огонь в нем давно прогорел. — Видно, не судьба мне твою курицу попробовать.

— Оно и к лучшему!.. Курица такая, что ее девицам есть нельзя, в грех впадут.

— Нам-то чего бояться? — удивился Сары-сейис.

— Не скажи... Давеча вот приснилось, что женюсь. А невеста — девушка красивая, я таких в жизни и не видел. Как пери... И сам я молод, грудь колесом, усы торчат. Все ровесники прислуживают, словно я падишах какой. Так и бегает, так и бегает... Пир богатый, и не кибитка стоит, а дворец. Потом вы на руки меня подняли, к невесте понесли, вот. Стоит значит Черкез Агейли-оглы рядом с красавицей...

— Тьфу!.. — Сары-ага, кряхтя, распрямил ноги, прилег на подушки.

— Эй, дослушай!..

— Нашел чем хвастаться, — покачал головой Сары-сейис. — Постыдился бы седой бороды. В наши годы такой сон видеть и то геройство!.. — Он сцедил в свою пиалушку остатки чая.

— Ладно, ладно, сейис... Кому же мне, как не тебе, об этом рассказывать. Другие-то не поверят!..

— А я сегодня во сне Беркели видел, — сказал Сары-ага. — Вроде опять его убивали... возле нашего колодца... — Он умолк, прикрыл веки, словно надеялся вновь увидеть Беркели. Но вместо этого представился ему длинноногий жеребенок: слабый,

дрожащий, нескладный стоял он среди луга, испуганно озираясь по сторонам. И себя увидел Сары-ага. Он хотел помочь жеребенку, но тот испугался, неловко рванулся в сторону и не удержался, упал – ноги его расползлись в разные стороны. Сары-ага обнял теплую шею, затаил дыхание, чтобы услышать удары крови. Ничего не слышал. Хотел поднять упавшего, но не смог – невыносимо тяжелым был жеребенок. Точно из золота...

– ...его конь ночами здесь бродит, – услышал он голос Черкеза-волопаса. – Подойдет к загону и стоит. Близко не подпускает. Как душа несчастного Беркели, все не успокоится. Поймали бы его, что ли? Такой конь!.. Не могу смотреть как он мучается.

– Не поймашь! А поймут, так умрет. Пусть уж так живет. – Сары-ага вздохнул. – Выходит, по людям все-таки скучает. Я-то думал, что совсем к селу не подходит. Не знаю, часто я Беркели вспоминать стал, словно виноват перед ним...

– Может бахши позвать?.. – спросил о своем Черкез-волопас.

– Говорят, звуки дутара способны излечить лошадь. Неспроста ведь первый дутар сделал сам Баба Гамбар. Он был конюхом у самого пророка Али. Конь пророка забывал про еду, когда Баба Гамбар брал в руки Дутар. Я и то иной раз своей кляче потренькаю, она веселей становится. Знаешь, сейис... – Черкез-волопас не договорил, посмотрел на приятеля так, точно собирался сообщить ему что-то очень важное. – Я ведь нынче свою лошадь в случку поставил. Бог даст – будет жеребенок. Не знаю только, успею ли его выходить...

– Ты бы лучше тунче на огонь поставил, – усмехнулся Сары-ага. – От жажды у тебя умрешь!

– Сейчас, сейчас... – засуетился Черкез-волопас. Он подошел к очагу, опустил на колени, стал шарить в траве. – Больше всего люблю жеребенка в первые дни, когда тот ходить учится. Смотришь и думаешь, ах, какой красивый конь вырастет!..

– Ты что там ползаешь, Грамотей? Огонь нечем разжечь?

– Кресало есть, только памяти не осталось! – виновато улыбнулся Черкез-ага. – Где-то здесь положил, сейчас найду... О!... Мульки-джан... – вдруг воскликнул он, все так же стоя на коленях. – Что так рано приехал? Мы даже унаш чаем запить не

успели, — сказал он, с хитрецей глянув на Сары-сейиса. — Садись, садись с нами, сынок!.. Пусть хоть из пушек стреляют, мы сейчас чайку попьем!

— Ладно, Грамотей! Пора ехать, — Сары-ага протянул руку сыну, чтоб тот помог ему подняться.

Он отправился к Черкезу-волопасу, чтобы вспомнить молодые годы, чтобы вновь, хоть не надолго, ощутить себя беззаботным, как в детстве. Сейчас он был доволен. Негромко стучали колеса, шуршало душистое сено, высокое голубое небо плыло над ним. Сары-сейис приподнялся на локте, посмотреть далеко ли отъехали. Мельница уже осталась позади. С востока надвигалась черная туча, низко, над самым горизонтом ползла в сторону села. Сначала он удивился, но потом догадался, что это не туча, а дым тянется оттуда, где раскорчевывают заросли. Он вспомнил, что утром хотел взглянуть на свое поле. «Земля Сары-сейиса» — произнес он несколько раз мысленно, наслаждаясь звучанием этих слов. — Четыре танапа — это совсем не мало!» Когда он последний раз был на своем поле, пшеница только начала колоситься. Теперь она должно быть уже совсем хороша!

— Сворачивай, Мульки! — приказал Сары-ага.

— Куда? — не сразу отозвался Мулькаман.

— На поле наше хочу взглянуть. — Сары-ага видел только спину сына, обтянутую малиновой тканью халата. Ни морщинки на ней, ни складочки. Мульки даже не шелохнулся. Но старик почувствовал, ясно представил себе, как недовольно скривились губы сына, как заиграли желваки у него на скулах. Мульки молчал. Сары-сейис знал, что сейчас он торопливо придумывает отговорку, чтоб не обидеть его и в то же время сделать по-своему.

«Так и будет, — с горечью подумал старик. — Не услышать мне сегодня, как шумит под ветром пшеница, не увидеть, как бегут золотые волны по ниве!.. Хоть бы для виду придержал лошадь...»

— Уже поздно, отец. Дорога-то неблизкая, пока доберемся — совсем стемнеет. Мы с Нарлы каждый день там бываем, — добавил Мульки, — все что надо делаем. Сам Ильмурад сказал,

что хорошая пшеница уродилась. — Мульки обернулся, на лице у него была вежливая улыбка. — «Сразу видна рука Сары-сейиса!» — вот как сказал. Завтра утречком вас отвезу. Втроем и поедем: вы, Нарлы и я с вами. А сейчас поздно. Лошадь устала, и Шункара кормить пора. Да и вы, наверно, устали, отец?

— Хорошо, — коротко сказал Сары-ага и прилег на сено. «Болтлив, точно сводня!» — подумал он с неприязнью. Такое же чувство неприязни к сыновьям было у него сегодня ночью, во сне. «Сон — в руку... сон — в руку...» — поскрипывали колеса. До самого дома Сары-ага не проронил ни слова.

Добрались уже в сумерках. Пока Мульки распрягал клячу, Сары-ага зашел в затишь, постоял рядом с Шункаром. Он чувствовал, что конь обрадовался ему, что присутствие хозяина его взволновало. Но Шункар держался с достоинством, и его спокойствие постепенно передалось Сары-сейису, пригасило обиду, что бушевала в душе у старика.

— Не пойду, не пойду никуда! — слышался из кибитки плач Еламана. Дедушка сказал «оставайся!»... Сказал, что я его сынок...

— Кто там? — спросил Сары-сейис, когда Мульки принес упряжь.

— Огульбиби пришла.

— Сваха, что ли?..

Мульки кивнул.

— Идемте, отец.

— Ступай! — Сары-ага присел на сложенное у стены сено, обхватил руками голову. В тишину ему хотелось погрузиться сейчас, в тишину... Чтоб ни звука. Или нет, чтоб слышать только дыхание Шункара... Пусть оно убаюкает его!..

— Дедушка!.. Дедушка!.. — звал Еламан.

Старик подумал, что, верно, какая-то таинственная связь существует между ним и этим беспечным до недавних пор ребенком, что-то их влечет друг к другу. Когда Еламан учился говорить, первым его словом было «дедушка». Но если он брал внука на руки, тот пугался, начинал громко плакать, совсем как сейчас...

Неужели дети всегда плачут одинаково?

– Мамочка тебя ждет. Сидит и плачет: «Вай-вай, где мой джигит? Ночь на дворе, может, его шакалы загрызли?..» – уговаривала Огульбиби. – Еламан-джан, ты ведь не хочешь, чтобы матушка твоя плакала?.. Пойдем, дорогой, пойдем...

– Свет ты мой ясный!.. – вторила ей Гюльрух-эдже. – Не плачь, душа моя! Завтра снова к нам придешь, поможешь бабушке молоко кипятить.

– Дедушка!.. – звал Еламан.

– Замолчишь ты?.. Чтоб ни звука!.. – Это – Мульки.

– Де-да-а-а!.. – На полуслове зов этот перешел в долгий, полный невыразимой тоски стон, плач, рев, который волнами накатывался на Сары-ага – то нестерпимо громкий, то чуть слышный, как щенячье попискивание.

Сейис просидел в затиши, пока Огульбиби не увела ребенка. Выйти не решался, не мог, чтобы не дразнить внука, чтобы себя пощадить, ведь ему сейчас было во много хуже, чем Еламану. Он боялся, что не сможет ночью заснуть, но, как ни странно, сон пришел к нему почти сразу, стоило только опустить голову на подушку. До утра он ни разу не проснулся, и кошмары его не мучали, как давеча, а пробудился легко, снова полный желания жить, заботиться о всех, что-то делать, распоряжаться... Сразу после утреннего чая он отправился к сватам. Мульки, когда отец уходил, напомнил, что они собирались поехать в поле, посмотреть пшеницу. Он уже приготовил повозку – арба стояла посреди двора. Вид у сына был виноватый, он то и дело заискивающе улыбался, все хотел угодить, загладить вчерашнюю вину. Очень хотелось взглянуть на «землю Сары-сейиса», но старик не поддавался искушению. «В другой раз!» – сказал он, сказал так еще и затем, чтобы наказать Мулькамана.

У сватов Сары-ага пробыл недолго. Когда вернулся, было его не узнать, казалось, что он не видит ничего вокруг. Долго стоял у колодца, потом побрел к своей кибитке, но на полпути остановился и опять надолго задумался, пошел к Мульки.

В кибитке сына никого не было. В первый миг Сары-ага испытал неловкость, словно без спросу зашел в чужой дом. И в самом деле чужой. Он был здесь лишь однажды, в тот самый день, когда поставил эту кибитку, вошел, чтобы благословить новый очаг.

Нет, и в прошлом году был, когда делали обрезание Еламану... Все были во дворе, а он решил спрятать крайнюю плоть. Сары-ага поднял глаза и сразу нашел место, где к решетке терима сыромятными ремнями была привязана криво уходящая ввысь жердь, одна из тех, на которых держалось небо кибитки. Он выбал это место для тайника, потому что внизу стоял сундук — никто не подойдет случайно, без дела, а днем на сундуке горой сложены одеяла и подушки, за ними тайное место совсем не видать. Этот сундук он как-то купил у хивинцев. Нарядный, расписанный яркими красками, украшенный узором из белой жести... Не сундук — загляденье. Теперь краски потускнели, кое-где облупились, и жесь потемнела, ничего от прежней красоты не осталось. А купец расхваливал, говорил, на века... Глупец, кто верит купцам... И кошма... Столько лет она лежала у него в кибитке, вечерами он любовался замысловатыми узорами. Теперь там, где прежде красовались завитые архарьи рога, совсем рисунка не видно, протерлась шерсть. Знакомые вещи, а не узнать, словно впервые он их видит.

— Что вы ищете, отец? Скажите, я сама найду... — Сары-ага оглянулся. Гюльрух-эдже стояла рядом, чуть за спиной и смотрела на мужа испытующе и одновременно с мольбой.

Когда муж вернулся, она сразу заподозрила недоброе, когда же он пошел к Мульки — совсем потеряла покой: не спалил бы сгоряча кибитку!

— Что мне здесь искать? Обязательно что-то искать надо? — голос Сары-ага дрожал, как туго натянутая, готовая вот-вот порваться струна. — Следишь?..

— Что вы, отец! Не часто вы сюда заходите, вот и подумала...

— Нечего думать! — закричал Сары-ага. — Когда хочу, тогда и захожу! Мои это кибитки, мои!.. Где хочу, там и буду сидеть, ясно тебе?.. И не следи за мной!.. — Давно Гюльрух-эдже не видела мужа таким. Лицо его побагровело, на висках вздулись вены. Он замахнулся своим посохом и, казалось, сейчас ударит.

— Поди прочь!!!

Гюльрух-эдже торопливо попятилась к двери. Боясь поднять на мужа глаза, выскользнула из кибитки. Сары-ага отшвырнул палку в сторону, вздохнул поглубже, будто собирался нырнуть в воду,

и, глядя в землю, вышел за старухой следом, пошел к себе. Он снял тельпек. Лег на спину. Грудь ходила ходуном, казалось, вот-вот разорвется, а он все никак не мог отдышаться. Широко открывая рот, Сары-ага с шумом заглатывал воздух, но тот лишь сушил нёбо, не принося облегчения. Обильный пот тек по щекам, но не было сил поднять руку, чтобы стереть его. Тысячи иголок впивались в сердце – так песок сечет лицо во время бури! Веки налились свинцом. Круги – красные, кровавые, и светящиеся, словно золотые, – плыли, бешено вращаясь, перед глазами. Голова раскалывалась. Сары-ага зашелся глухим, лающим кашлем. С трудом смог унять его, полегчало... Он повернулся набок, чуть приоткрыл глаза: маленькие огоньки – теперь уж настоящие! – мерцали, копошились, как мураши, среди углей в очаге.

Гюльрух-эдже принесла чай в нарядном, с позолотой, чайнике, который доставали, если к Сары-ага приходили гости. Это был приз, выигранный на скачках. Она опустила чайник на кошму, своими не боящимися горячего, загрубевшими ладонями отерла его крутые бока. Достала из сундука цветастую пиалу, наполнила ее до краев и сразу же перелила чай обратно в чайник. И еще раз сделала так, и еще – три раза, чтобы чай лучше заварился. Потом укутала чайник платком, оставила настаиваться. Все это делала она не задумываясь, руки двигались сами собой, мысли были заняты другим.

Как только вошли в кибитку, лицо мужа поразило ее своей неестественной бледностью, а ведь совсем недавно, когда он разгневался, оно было багровым. Исподтишка, стараясь, чтобы Сары-ага этого не заметил, она наблюдала за мужем. Черты его лица заострились, глаза глубоко запали. И эта бледность!.. Казалось, не кровь отхлынула от щек, а сама жизнь начала медленно покидать сейиса. Гюльрух-эдже стало не по себе. «Почему люди вынуждены уходить, когда с трудом достигли желанного, когда только и настало время радоваться достатку, внукам?.. Почему?.. Где же справедливость, Создатель?..» –

Концом платка она утерла слезы и сразу засуетилась, захлопотала. Расстелила поближе у очага тюфяк, вынула из сундука стиранную рубаху.

– Смените белье, отец. Давайте я вам помогу!

– Чуть не одолела, проклятая!.. – пожаловался Сары-ага. Он перебрался поближе к огню, маленькими глоточками выпил пиалу чая. Боль ушла, но тело было, как ватное, колени дрожали. «Неужели это все?.. – думал он, глядя как хлопчет жена. –

А ведь в нашем роду все славились долголетием. По восемьдесят, по девяносто лет жили... Отчего же мне не суждено насладиться жизнью вдоволь?»

Он думал об этом без сожаления, точно речь шла о чужом человеке, надорвавшимся непосильным трудом. «Не так уж коротка была жизнь, если подумать, прожил больше самого пророка!... Вот только не заметил как она пролетела! Но сделал немало: три кибитки у него, своя земля, отдал замуж дочерей, сыновей поставил на ноги,

внуки... Если все соберутся, тени шах-тута не хватит! – подумал он с гордостью. – И свой конь есть у него! Разве не об этом мечтал в молодости, когда был на побегушках у бая? Кто знал тогда о нем? А теперь его имя с почтением произносят, повсюду, где слышали о его Шункаре!..»

Гюльрух-эдже присела у него в ногах, глаза ее были полны печали. Ему захотелось сказать ей что-нибудь нежное, ободряющее, но ничего в голову не приходило. «Видно, не суждено ей услышать от меня ласковое слово!.. Разве не о таких, как она, говорят, что пойдет в рай и корову с собой захватит, да еще домой потом заскочит, посмотрит все ли там ладно! Нет, надо сказать ей что-нибудь доброе!..»

Ему казалось, что жена ждет этого. Но Гюльрух-эдже не нуждалась в ласковых словах, в благодарности. Она была довольна своей судьбой. Муж не бил ее, как другие. А ведь мусульманину предписано раз в неделю наказывать жен. Пусть на том свете не слишком строго судят его за этот грех!.. С ним она никаких забот не знала, все что от нее требовалось, так это выполнять его наказания. О всем, даже о самой мелочи он думал! Где взять, куда положить, что на обед готовить... А разве у Сары было мало своих забот! Нет, ничего он не забывал, все держал в уме. Поначалу это ее обижало, думалось, муж ей не

доверяет. Однажды она осмелилась сказать об этом. «Разве Аллах не разделил дела на мужские и женские?» – спросила его, словно в шутку. Сары сделал вид, что не слышит. Но, видно, к тому времени уже вошло в привычку обо всем советоваться с мужем. Когда на другой день он уходил на конюшню, она сама спросила, что приготовить на вечер. Обо всем, обо всем с ним советовалась. Если в чем перед Сары виновата, так лишь в том, что щадила его, не всегда говорила о сыновьих проделках. Уж слишком он горячился, узнав, что дети озоруют. Нарлы здорово влетало! Не одну палку сломал отец у него на спине!.. А вырос – стал точь-в-точь таким же, чуть что – сразу бить! Отцовская кровь!.. И Еламану от него доставалось, и Иламану... Мульки она защищала, как могла. Младшего она любила больше других. Нет, всех она любила одинаково, просто Мулькаман был ей дороже. Родился слабым, болезненным, сколько ночей она не доспала, пока выходила его. Разве можно об этом забыть? Если это грех, так не сполна ли она его отстрадала: от стыда щеки горели, когда подкладывала Мульки кусок послаще! Сколько надежд связано с детьми, как хотелось, чтобы все их уважали, чтобы стали они хозяевами просторных кибиток, чтобы было у них много скота, большое поле. Каждый день только об этом и молилась. Услышал ли Аллах ее слова?.. Суждено ли сбыться ее мечтам!..

– Незачем было ходить к сватам, – сказала Гюльрух-эдже. – Послали бы Нарлы. Что, до вашего сына ни один мусульманин жены не прогонял?.. Не старый еще, если Аллаху угодно, женим на самой лучшей девушке. Пусть это вас не тревожит! Что ни есть – все к лучшему, не велика потеря. Только Еламанчика жаль... – добавила она.

– Замолчи! – попросил Сары-ага. Голос его дрожал. Он с трудом приподнял голову. «Как сказать матери, что сын ее обманул, обманул их обоих? Где найти такие слова! – У Сары-ага даже губы дрожали от обиды: – Надо ли говорить? Ну скажет он, что от этого изменится?.. Подумать только, родной сын обманывает тебя, словно глупого ребенка! И вины за собой не чувствует! Чтоб он хлебом подавился!.. Пусть век живет неженатым! Это ж надо, так опозориться!..»

Ох, как хотелось Гюльрух-эдже узнать, о чем был разговор со сватами! Догадаться, что все обстоит совсем не так, как рассказывал Мульки, совсем не трудно. «Только бы он сейчас не вернулся!.. Отцу совсем худо станет, если разволнуется.» Гюльрух-эдже заплакала от бессилья. Эх, если бы слезами можно было все исправить! Уже давным-давно царил бы на земле порядок!.. Если бы все мольбы достигали цели, ничего бы и делать людям не пришлось!..

Ужинали без Сары-ага, во дворе. Гюльрух-эдже принесла мужу его миску, сидела рядом, пока он не поел. В кибитке было жарко, но даже после унаша сейису не удалось пропотеть. И чай не помог!.. Целый чайник выпил Сары-ага, но облегчения не почувствовал. К ночи ему стало совсем тяжело. Головная боль усилилась. Он, негромко постанывая, метался на постели. Иногда схватывало сердце – все в глазах темнело. Что-то говорила ему жена, Нарлы, он не мог понять, чего от него хотят, слышал только как гулко стучит кровь в висках. Несколько раз он забывался недолгим сном, но и тут не обретал покоя: бредил, ругался... Иногда он садился, испуганно смотрел по сторонам, выпучив глаза так, что, казалось, сейчас они выскочат. Но тут же обессиленный падал на подушки. Только к вечеру следующего дня стало ему полегче. С закрытыми глазами он лежал на спине и вдруг медленно поднял руку, уронил ее себе на лоб. Приоткрыл веки, поднес руку к глазам и улыбнулся. Гюльрух-эдже не сразу поняла, что означает эта улыбка.

– Комар! – чуть слышно шепнул Сары-ага.

И в самом деле было чему обрадоваться: если он способен чувствовать боль, значит жизнь еще теплится в нем. Здоровый человек и то не всегда заметит, что к нему присосался комар. Лишь когда тот напьется крови и улетит, ощутит укус...

Гюльрух-эдже поняла мужа по-своему:

– Прости, отец это я виновата: забыла полог опустить, вот эти кровопийцы и налетели. – Она взяла платок и принялась гнать комаров из кибитки. Куда там!..

Сары-ага следил за ее бесплодными стараниями, а думал о том, сможет ли он почувствовать час, миг, когда настанет срок прочитать предсмертную молитву, не всем его ровесникам это

удалось. «Смерть Беркели была, наверно, не трудной, — думал Сары-ага. — Негодяй убил его во сне. Бедняга Беркели вздохнул на этом свете, а выдохнул уже на том!.. И Анна недолго мучился: всего два дня пролежал в постели. Может, потому и любил поваляться в тени, подремать, что знал, чувствовал: смерть настигнет его во сне. Не дай бог мучиться, как Мурад-кривляка! Столько лет лежал жалкий, беспомощный, всю родню измучил. Вот это — страшней всего. Ведь соображал, видел, что близкие только и ждут, когда он этот мир оставит.»

Прежде мысли о смерти всегда пугали Сары-сейиса. Он понимал, что конец неизбежен, что раньше или позже придется расстаться с этим прекрасным миром, со всем, что дорого, но примириться с этим не мог. Теперь он думал о близкой смерти, как о чем-то обыденном. Никакого страха в душе не было. Одно лишь тревожило: не стать бы обузой для близких, не причинить им слишком много хлопот. «Вот бы умереть, как Тойлы-бахши! Пел песню — и умер...» — Сары-ага невольно усмехнулся: надо же, о чем только человек не мечтает!

В кибитку вошел Нарлы, присел у изголовья.

Сары-ага обрадовался, что можно поговорить наедине, — будет ли еще такая возможность.

— Сынок... — Сары-ага не узнал свой голос. Он стал каким-то глухим, надтреснутым. — Сынок, не вини меня... Всю жизнь только об одном мечтал, чтоб вы ни в чем не нуждались. Что мог — делал, да, видно, не судьба: нищим пришел — нищим ухожу. Нечего мне вам оставить. Прости, сынок... Ты постарайся, ты — сильный...

— Не плачьте, отец. Лежите, ни о чем не беспокойтесь. Скоро поправитесь. И о делах не тревожьтесь, все, что надо, я сам сделаю. Лишь бы вы были с нами, мы ни о чем другом не мечтаем...

— голос Нарлы задрожал.

— Да услышит твои слова Аллах!.. Сделайте все, как надо: бязь у матери припасена... — Нарлы было страшно, что отец заговорил об этом, но перебить его он не посмел, только послушно кивнул.

— Похороните меня рядом с Беркели, там, на горке. Дорога туда близкая, часто мимо проходить будете... вспомните про меня... И я на вас буду смотреть... — Отец умолк. Нарлы не знал, нужно

ли ему отвечать и что следует сказать. Но даже если бы и знал, то навряд ли смог бы произнести хоть слово, какое-то оцепенение овладело им. — Что-то детей не видно? — спросил Сары-ага. — Они дома?..

С тех пор, как он слег, детям было настрого наказано в кибитку не заходить. Да они и сами бы туда не вошли. Теперь они не играли. Целыми днями сидели под тутовником, зорко следили за взрослыми. Ни о чем старших не спрашивали, между собой говорили шепотом.

— Они дома, — ответил Нарлы. Отец молчал. Нарлы наклонился к нему, прислушался: Сары-ага спал, дыхание его было легким и ровным.

Он проснулся среди ночи от того, что замерз. Рубаха была мокрой от пота. Свежий ночной ветерок играл занавесью у входа, врвался в кибитку, охлаждал лицо. Сары-ага чувствовал себя отдохнувшим, здоровым, казалось, вместе с потом хворь покинула его тело. Гюльрух-эдже сидела у очага. Он не мог понять, дремлет она или бодрствует. Но если и заснула, так только что

— язычки пламени жадно лизали недавно подброшенный хворост, по стенам, своду кибитки бегали огненные сполохи. Сары-ага смотрел вокруг и не мог насмотреться. Привычные вещи, которые он видел каждый день на протяжении многих лет, открывались ему заново. Кибитка была просторной: большая семья могла собраться здесь вокруг очага. «Как славно было им вместе!» — подумал сейис. Слева от очага сидела Гюльрух, справа, напротив нее, восседал он сам. Между ними — дети. Их дети. Ярko пылал огонь, очаг был жарким сердцем этого дома, согревал всех, кто рядом. «Зачем они ушли?.. Что хотели найти?.. Разве мало им было того тепла, что дарил отцовский очаг, очаг родного дома?.. А теперь их удел: холод и мрак, мрак и холод...» Он вспомнил сыновей, Еламана и Иламана, вспомнил последний вечер, проведенный вместе у этого очага. Пламя озаряло их лица, огнем горели их глаза. Нехороший то был огонь, как отсветы адского пламени, — беспокойство он вселял в души, заставлял забыть о благоразумии. «Пора поставить вам кибитки, стреножить вас», — сказал он в тот вечер. — «Подождите немного, отец, — ответил Иламан. — Мы их скоро сами поставим. Вернемся,

будем работать вчетвером. Сыновья трудятся, а вы любуетесь ими, разве плохо?.. Дастархан будет полон хлеба.» — «Кто хочет, чтобы на дастархане был хлеб, сидит дома, а вас только помани!..» — разозлился Нарлы. — Не горячись, сынок, — сказал он тогда. — Не для того дана молодость, чтобы сиднем сидеть...»

Сары-ага нашарил посох. Опираясь на него, осторожно встал. Тело было непривычно тяжелым, а ноги совсем ослабели, он пошатнулся, вскрикнул, боясь, что упадет. Гюльрух-эдже сразу же проснулась, подбежала к нему.

— Куда вы, отец?

Сары-ага оперся о ее плечо, постоял так немного, пока не прошло головокружение, осторожно сделал шаг, потом другой. Вместе они дошли до выхода. Ночь была темной. Сары-ага прислонился к дверному косяку, сделал знак, чтобы жена оставила его. Свежий ночной воздух пьянил, как вино. Глаза постепенно привыкали к мраку. Что-то белело возле колодца, похоже, там стоял человек. «Кто бы это мог быть?» — пронеслось в голове. Сары-ага, все еще придерживаясь рукой за кибитку, сделал осторожный шаг. И у колодца что-то шевельнулось, казалось, человек отступил в тень. Сердце сейиса наполнилось тревогой. «Беркели!.. — Он вспомнил сон, что снился ему намедни. — Беркели!.. Неужто он до сих пор там?»

— Эй!.. — окликнул он, хотел позвать Беркели по имени, но язык не послушался.

— Что вам, отец? — Гюльрух-эдже стояла рядом, видно, и не уходила никуда.

— Кто там? — Сары-ага указал в сторону колодца.

— Ничего там нет!

Сары-ага присмотрелся — и в самом деле ничего!

— Зачем вы встали? Надо полежать немного... — Гюльрух-эдже говорила с ним, как с ребенком.

— К Шункару... — Он медленно двинулся к затиши. Гюльрух-эдже следовала за ним, чуть сзади, готовая в любой миг прийти на помощь. От того, что она была рядом, Сары-ага чувствовал себя уверенней. Даже путь до затиши не показался ему долгим. Когда он вошел к Шункару, Гюльрух-эдже отстала. Сейис не разрешал

женщинам заходить к коню.

Шункар сразу узнал хозяина, негромко фыркнул, приветствуя его. Потянулся к нему мордой, принялся. Сары-ага коснулся губами белой звездочки на лбу у коня, прижался щекой к его голове. Постоял так немного, пока конь не высвободился осторожно. «Почуял запах смерти», – без обиды подумал сейис, поправляя попону. Чтобы не тревожить понапрасну Шункара, пошел в денник к Серой. Старая лошадь дремала на подстилке. Увидев Сары-сейиса, попыталась подняться, но неловко – ноги не хотели держать грузное тело.

– Лежи, лежи... – пробормотал Сары-ага. – Мне ли тебя не понять?... Не обижают ли тебя кормом?... Прощай!... – сказал он напоследок.

Powestler